

ющих античный стих. Столь же виртуозно владеет поэт ритмом баллады («Стихи о револьверах», «**Баллада о Даурском бароне**»), трехстопным ямбом с пиррихием в третьей стопе воссоздает ритм «**Русской сказки**».

Лишь кажущейся простой представляется рифмовка поэта. Наряду с точными рифмами, Н. часто и охотно пользуется неточными и сложными: юнгу — берегу, ужас — стужа, художавы — плащавы, нитроглицерин — рыцари, Казанцев — протуберанцы, над и за — глаза, докапали — Каппеля, не знаем — понимаем, ветер — веке и т. д.

Менее активно пользуется поэт звукописью. Наиболее часто употребляет он, как и все поэты Харбина, звучные китайские слова в соединении с русскими, что придает стих. самые различные интонации: от романтических до элегических и даже трагических. Звукопись играет важную роль в любовной лирике Н.

Соч.: Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы / сост. и комм. Е. В. Витковского и А. В. Ревоненко. М., 1990.

Лит.: Иванов Ю. Прошедший все ступени: «Идеологический сюжет» поэзии Арсения Несмелова // Лит. обозрение. 1992. № 5–6; Витковский Е. В. Несмелов // Лит. энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940. Писатели Русского зарубежья. М., 1997; Агеносов В. В. Лит. Russkogo зарубежья. М., 1998.

В. В. Агеносов

НЕСТЕРОВСКИЙ Владимир Мотелевич [19.2.1940, с. Сопич Червоного р-на Сумской обл., Украина — 25.9.2003, Петербург] — поэт.

Отец — партийный работник, мать — учительница. Окончил музыкально-педагогическое училище, но музыкантом не стал. В 1958–63 учительствовал. В 1963–67 учился в Московском педагогическом ин-те по специальности логопед-дефектолог. По окончании был направлен в Тулу. В 1967 приехал в Ленинград. Работал в конструкторском бюро, кочегаром, дворником, сторожем, в охране на фабрике.

Стихи пишет с 13 лет. Печатался в ж.: «Шмель», «Простор» (Алма-Ата, 1962–63), «Нева», «Звезда», «Аврора» (Ленинград, все — 1976); в альм. «День поэзии» (1976), «Круг» (1985, оба — Ленинград), «Три гвоздя в копыто Пегаса» (СПб., 1993), Колпица, вып. 2 (1993), вып. 10 (1994, оба — Колпица), а также в самиздатовских ж. «Часы» (1978), «Обводный канал» (1984, оба — Ленинград), в антологии питерского андеграун-

да «У голубой лагуны» (Ньютонвилл, штат Массачусетс. 1980–86. 4 Б; 5 В) и др. изд.

Входил в «Клуб-81», с 1991 — член СП России.

Поэзия Н. отражает основную общественную позицию автора — отщепенство: «Исключительность Нестеровского уникальна своими постоянными исключениями: из пионеров, из комсомола, из „Клуба-81“, <...> Да, наверное, и вся витальная действительность Нестеровского — это одно сплошное исключение из правил» (Лавров В.— С. 137). В связи с этим даже по отношению к самому себе: «Мерцаю слабеньким наброском / И рву с собою — Нестеровским» (**Снег // Алфавит города**. С. 78), «Безроден буду, как Гаврош» (**Черная распродажа // Там же**. С. 88), «Живу из прошлого отправлен, / А в настоящем не получен» (**Грамота // Там же**. С. 144).

Нередко намеченной поэтической фронде Н. следовал и в жизненном поведении, по поводу чего его собрат по перу отмечает: «Он был истинный поэт, поэт по нутру и сути <...>, несмотря ни на что и особенно на свои — порой несуразные выхлопы» (Горбовский Г.— С. 2). К такому относится, в частности, случай с распусканием слуха о собственных похоронах с последующей пьянкой в кругу собравшихся попрощаться друзей и приятелей. Связан с этим и отказ воспринимать мир в его устойчивости, равновесии и гармонии: «Не отрекаюсь от своих ошибок. / Пусть будет мир мой неустойчив, зыбок — / С простой зубной неустойчиво болью / И ранами, посыпанными солью» (**Линия жизни // Там же**. С. 116).

Психологической доминантой лирики Н. чаще всего выступают сарказм, язвительность, пароксизм (последнему посвящен большой цикл стих. 1994), выплескивающиеся даже во внешний мир: «саркастичные ссны», «Пьяный воздух крепчайшего яда / Затаен в горизонта улыбке» (**Судак // Там же**. С. 160).

Мир поэзии Н. представляет собой изнанку парадного советского официоза, прежде всего жизнь коммуналки, «сумятицу квартиры городской»: «О проклятая жизнь коммуналки,— / Ты — геенна, гестапо, тюрьма» (**Коммуналка // Травинка грусти**. С. 75). Подвергаются атакам авторских пароксизмов даже лит. «святыни»: «Не люблю я старух обнаженных, / И купаться мне там не годится, / Где писателей сытые жены / Окунают свои ягодыцы» (**Коктебель // Колпица**. Вып. 2. С. 19).

Та же печать ущербности лежит и на героях Н., о чем свидетельствуют уже сами назва-

ния стих.: «**Монолог усталого человека**», «**Богата наша дворник**» («Замызганный ватник в заплатках»), «**Осенние люди**», «**Осенняя женщина**», «**Монолог бомжа**» («Опухшая рожа — мой паспорт»), «**Безумная старуха**», «**Самоубийцы**», «**Наследницы социализма**», к которым поэт обращается едва ли не как к товаркам по несчастью: «Дорогие мои женщины — Оголтелые старухи» (Травинка грусти. С. 97), как любит он, движимый подобным же чувством, обращаться и к другим: «Киваю алкашам дворовым» (**Порча** // Там же. С. 36), «О мои коммунальные наци...» («Коммуналка»). Исследователем отмечен вклад поэта в расширение круга героев советской эпохи: «В. Нестеровский — и это его несомненное достоинство — вывел на арену поэзии многообразные типы современного дна, дал этому „немому“ речь» (Новиков Ю. [Предисл. к стихам В. Нестеровского] // Часы. 1978. № 14; цит. по: Самиздат Ленинграда. С. 284).

Немалое внимание уделяет поэт и героям историческим. «Он пишет стихотворения с повторяющейся формулой: „Я с древнего неточный перевод“, — что значит и наследование духовного опыта прошлого, и стремление прибавить к нему свой. Оттого так естественно и современно звучат стихотворения „Сократ“, „Платон“, „Александр и Диген“» (Урбан А.— С. 3). «Свой» опыт в трактовке исторических героев у Н., однако, преобладает, что особенно заметно в стих. «**Панегирик Шарлотте Корде**» и «**Мария Стюарт**» («Я тоже гибну за свою Марию, / Неважно, что зовут ее иначе»), где оригинальный образ доминирует над исторической трактовкой: «С Мариной величественной казни / Мужчины любят женщин безголовых» (Михайловский замок. 2001. № 4. С. 140, 142).

При ритмической традиционности стиха поэзия Н. обладает богатой системой словесно-образной выразительности, с преобладанием в ней образов эпатающе-сниженного характера, что и понятно, поскольку разоблачение существующей действительности и вообще всяких ложных (и не ложных тоже) ценностей составляет основную цель творческой миссии поэта. Относится это к разным уровням человеческой жизни и бытия вообще — к природе: «Донья бочки — закат и расцвет» (**Лунная соната** // **Царица мысль**. СПб., 2001. С. 37), к ее непостижимой бесконечности: «Вселенная кочан — но где же центр? / Где истины святая кочерыжка?» (**Добратся до загадки бытия** // **Азбука города**. С. 102), к идеализируемому женскому

телу: «Ах, что за тело, ах, что за негa? / Колодец счастья, блаженства база. / Гостеприимней унитазa» (**Даная** // Там же. С. 131), к состоянию души: «Душа тревожная, как моль...» (**Во мраке средневековья** // **Царица мысль**. СПб., 2001. С. 16), «Под кроватью часовня тоски» (**Под кроватью** // **Азбука города**. С. 135), к знаменательным состояниям человеческой жизни: «Я — стыд зачатая и рожденья / Дитя греха, сырых потемок» (**Срывая покров** // **Травинка грусти**. С. 33), «С будущим покойником жила / Празднична, беспечна, легкокрыла» (**Юная вдова** // **Азбука города**. С. 117), к сакральному миру: «Глазеет зрчками нулей / Всевышнего зоркое ОКО» (**Нуль** // **Царица мысль**. СПб., 2001. С. 22; здесь, по замечанию другого поэта, «на читателя усталился взор небытия» и «эллинизм перебивается сарказмом» — Вознесенский А.— С. 5), к науке: «Изучают черви дарвинизм, / Объяснивший сложный механизм. / Кольца тел — низанные лупы. / Вдоль и поперек читают трупы...» (**Пароксизмы**. С. 30) и даже к самому творчеству, к той же поэзии: «Умильные красавицы России, / Ваш барин и помещик и поэт / Глядел на вас, похабный рот разинув. / Кто он? — Некрасов и конечно Фет» (**Похвала классикам** // **Травинка грусти**. СПб., 2001. С. 117).

Заметную роль в худож. системе Н. играют образы книжного характера, относящиеся к миру искусства («голубая весна Боттичелли», «желтые решетки» Брейля, «время на картине у Дали», «тупое перо» Баркова, «сладкий труд / Читать забытого Лескова»), а также реминисценции, заставляющие вспомнить то Ф. Вийона («**И вот он прошлогодний снег**»), то Шекспира — Блока («Это что же — пузыри земли / Или тьмы грядущей предсказанье?» — **Смог** // **Азбука города**. С. 19), то В. Брюсова («Памятник, памятник, в фартуке белом, <...>Что ты в семнадцатом, каменный, делал?» — **Памятник** // Там же. С. 161), то В. Маяковского («Капуста слов на бороде» — **Рядом с Блоком** // **Травинка грусти**. С. 62).

В поэзии Н. богато представлены нередко взаимоисключающие один другого лексические пласты: сугубо современный («Желаю я деноминации», «Стыдно нам получать по ленд-лизу», «Твой нахальный душевный стриптиз»), терминологический, с установкой на «качество» науч. и профессионально-технической лексики, преобразуемой, однако, с помощью тропа в неожиданный худож. образ («глупые гены», «самосознание конденсата», «нежности лимит», «неподсудные мо-

нады», «Панель по синусоиде метет» (о дворнике), «кто децибелы сердце копит»), интеллектуальный («ставшая абстракцией старуха», «Я — квивпрокво, ошибка века», «Были други — теперь оппоненты», «Живу печальным антиподом»). По поводу кажущегося преобладания интеллектуального начала в поэзии Н. исследователь писал: «Первое впечатление — мысль будет царствовать безраздельно, и приближая нас к раззолоченному трону абстракций, и одновременно утверждая логику здорового рассудка...» Но тут же делалась и поправка на «человечность» этой интеллектуальности: «Только мысль его движется в глубину чувств, в глубину человеческой души» (Урбан А. — С. 3).

В то же время здесь присутствует и лексика просторечная, словечки вполне вульгарного характера, заставляющие предполагать в лирическом субъекте (возможно, «игровом») некоего деклассированного интеллигента: «Качан головы отчекрыжил от тела», «Я признание бабахнул», «Чтоб треху взять у бедной — у нее», «Души, что вечно сикось-накось». Хватает здесь места и блатному жаргону: «халява», «урки», «плановые» (потребившие соответствующий наркотик) и т. д.

Заметно пульсирует поэзия Н. неологизмами: «примазанники памяти», «грехопад», «Я сердцем алкоголю», «Есть одиночество — и есть двуночество», «Является вечерами / Подруга — ногиня твоя» (**Стихи о ноге** // Азбука города. С. 50). Игра смыслов и слов также составляет ее существенную сторону: «Мой батюшка стоял на царстве — / Я, дочь его, на царство лягу» (**Русская Афина Паллада** // Там же. С. 71), «А что степенность? Это по-сте-пен-ность» (*Линия жизни* // Там же. С. 115), «Добро сегодня — не творить добро», «Не дает мне покоя покой», «На весь народ одна извилина, / И потому народ един» (**Единство народа** // Травинка грусти. С. 83). С мастерством пользуется он и таким элитным (на фоне совр. стихотворчества) поэтическим инструментом как звуковая символика («Посулами глаза замылены», «Ваши груди стертые в транспорте»), достигающей особенного эффекта в паронимии (звуковом сближении случайных слов с неожиданным прояснением в них нового смысла): «В дырявых гротах чердака», «Я зарифмую с деньгами свой день», «В своей алкогольной молельне». Особенно он ощутим в рифменных находках поэта: «Влюбиться — самоубийца», «Был поэт, да вышел — нужны афиши», «молодой — с бедой».

Значителен в поэзии Н. и эффект парадоксального развития мысли: «Спасибо вам, прекрасные дурнушки», «Я в жизни доверяю лишь

врагу», «В тридцатом загнали в колхоз, / В повальное счастье вравили» (**Бабка** // Травинка грусти. С. 19). «Бога нет, но как прекрасен он!», «Я стану кладбищем. / И тем спасусь!» (**Разбитое зеркало** // Азбука города. С. 11). «Смеется покойник, доволен. / Он с этого света уволен...» (Пароксизмы. С. 15).

Соч.: Царица мысль. Л., 1989 (переизд. 2001); Азбука города. Л., 1990; Воспоминания о Сибири и другие стихотворения. Три гвоздя в копыто Пегаса. СПб., 1993; Пароксизмы // Колпица. Вып. 10. Колпино, 1994; Травинка грусти. СПб., 1998.

Лит.: Новиков Ю. [Предисл. к стихам В. Нестеровского] // Часы. 1978. № 14; Вознесенский А. Муки музыки // Лит. газ. 1976. 20 окт.; Урбан А. [Предисл.] // Нестеровский В. Царица мысль. Л., 1989; Михайлов А. О пароксизмах Владимира Нестеровского // Колпица. Вып. 10. 1994; Михайлов А. О поэтическом мироустройстве Владимира Нестеровского // В. Нестеровский. Травинка грусти. СПб., 1998; Лавров В. Человечек из Фриско // Там же; Ахматов А. Рыцарь поэзии // Ахматов А. Срез. СПб., 2001; Горбовский Г. Это был дивный, целеустремленный человек... // Ушел из жизни... Прилож. к ж. «Михайловский замок». СПб., 2003. № 5; [Биографическая справка]. Самиздат Ленинграда. М., 2003; Кречетов В. О Нестеровском // Кречетов В. Яйцо Леды. СПб., 2003. С. 140–141.

А. И. Михайлов

НИКИТИН Николай Николаевич [27.7(8.8). 1895, Петербург — 26.3.1963, Ленинград] — прозаик.

Н. Н. Никитин